

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101
УДК 1751. 80

Дата поступления статьи: 20/VII/2018
Дата принятия статьи: 25/VIII/2018

Л.Г. Хорева

ИСПАНСКАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В АРХЕТИПЕ БЕЗУМИЯ В ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Хорева Лариса Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: novella2000@mail.ru. E-Library ID: 1043-0544. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-3091>

АННОТАЦИЯ

Автор статьи предлагает исследовать взаимосвязи между картиной мира испанского этноса и архетипом испанской литературы – безумием. Показано, что картина мира каждого этноса состоит из константных и переменных элементов. Константные элементы обусловлены историческим развитием нации и сохраняются на протяжении всего существования этноса, который столетиями вырабатывает соответствующие механизмы защиты – реальные или ритуальные действия. К ритуальному механизму защиты от внешних угроз автор статьи предлагает отнести литературу, которая вырабатывает реакцию читателей при возникновении опасной ситуации.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием анализа феномена безумия как визитной карточки испанской картины мира. В статье показано, что историческое развитие испанского этноса обусловило появление такой черты, как агрессивность. Порожденная Реконкистой, усиленная покорением Нового Света, деятельностью инквизиции и трансформировавшаяся в итоге в аутоагрессию – подавление собственных чувств и разума, эта черта национального характера привела к появлению многочисленных безумцев в испанском обществе. Это обстоятельство нашло свое отражение в одном из самых известных образов испанской литературы – образе Дон Кихота.

Периоды наивысшего расцвета искусства и литературы Испании приходились на годы самых тяжелых затяжных социально-экономических кризисов – конец XVII и конец XIX вв. Именно в эти периоды испанский этнос прибегает к проверенным механизмам психологической защиты – уходу от реальной жизни в иррационально-химерическую реальность, именно на эти периоды приходится расцвет барокко и сюрреализма с их культом ассоциаций, сложными метафорами, мифологическими и античными символами, неологизмами, сложной игрой образов, агрессивным проникновением в бессознательное, стиранием границ между мирами, граничащим с безумием. Безумие как результат аутоагрессии и коррелирующий с ним сон разума, уводящий жизнь в категорию сновидений и порождающий такую мифологию, как «жизнь есть сон», становятся архетипами испанской культуры и литературы, определяющими ее идентичность.

Ключевые слова: картина мира, архетип, жанр, испанская литература, Дон Кихот, испанские безумцы.

Цитирование. Хорева Л.Г. Испанская картина мира и ее отражение в архетипе безумия в испанской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 24. № 3. С. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**SPANISH VIEW OF THE WORLD AND ITS PROJECTION IN THE ARCHETYPE
OF MADNESS OF SPANISH LITERATURE**

© Khoreva Larisa Georgievna – Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Roman Philology, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

E-mail: novella2000@mail.ru. E-Library ID: 1043-0544. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-3091>

ABSTRACT

The article deals with interrelations between the view of the world of the Spanish ethnos and an archetype of the Spanish literature – madness. It is shown that the view of the world of each ethnos consists of constant and variable elements. Constant elements are caused by historical development of the nation and remain throughout all existence of ethnos which develops during the centuries relevant mechanisms of protection – real or ritual actions. The literature can be considered as one of the ritual mechanism of protection against external threats.

The relevance of the research is caused by lack of analysis of a phenomenon of madness in Spanish culture. In the article it is shown that historical development of the Spanish ethnos has caused the emergence of such characteristic sign as aggression. This one was generated by fight against the Arabs, it was strengthened by the conquest of Latin America, and finally it was transformed to an autoaggression. This circumstance leads to suppression of own feelings and reason, this characteristic sign of national character has led to appearance of numerous madmen in the Spanish society. This circumstance has found the reflection in one of the most known images in the Spanish literature – Don Quixote's image.

The periods of efflorescence of art and literature of Spain fell on years of the long grave economic crises: on the end of the 17th and the end of the 19th centuries. These years the Spanish people have used the checked mechanisms of psychological protection: they prefer the irrational and chimerical reality to real life. These years are ones of efflorescence of baroque and surrealism with their cult of associations, difficult metaphors, aggressive penetration in unconscious, the deleting of borders between the worlds. Madness as a result of an autoaggression and the sleep of reason become the archetypes of Spanish culture and literature defining her identity.

Key words: view of the world, archetype, Spanish literature, Don Quixote, Spanish madmen.

Citation. Khoreva L.G. *Ispanskaia kartina mira i ee otrazhenie v arkhetepe bezumiia v ispanskoi literature* [Spanish view of the world and its projection in the archetype of madness of Spanish literature]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], Vol. 24, no. 3, pp. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101>.

Введение

Термин «картина мира» сегодня постоянно оказывается в поле зрения филологов и культурологов, хотя еще менее ста лет тому назад этот концепт был объектом исследования исключительно философов и физиков. В конце XIX – начале XX в. термин «картина мира» вводится в научный оборот австрийским философом Л. Витгенштейном [Витгенштейн 2017], который впервые вывел формулу уникальности модели мира каждого отдельно взятого этноса.

Гипотеза Л. Витгенштейна была взята за основу при исследовании культуры в трудах О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гассета, М. де Унамуно, Г. Гачева, А. Гуревича и многих других [Баткин 1966; Вежицкая 2001; Гачев 2008; Дерига 2008]. Она стала

ключевой для целой лингвистической школы, представленной именами Сепира и Уорфа, отстаивавшей гипотезу так называемой лингвистической отнесенности, предполагающей влияние языка на мышление. Несмотря на то что эта гипотеза – до сих пор предмет дискуссий, она прочно занимает свою нишу в науке.

О. Шпенглер, размышляя о специфике культуры, отдельно оговаривает тот факт, что картина мира является сложным образованием, состоящим, как правило, из постоянных и переменных элементов [Шпенглер 2006]. Переменные компоненты зависят от исторического этапа развития общества, от социально-культурного уровня жизни и культуры в каждый отдельно взятый момент истории. Переменные компоненты могут неоднократно меняться в течение жизни одного поколения, от-

раяя этапы развития общества и характеризуя новые опасности, которые могут подстергать человека на новом витке развития этноса. Мы не случайно затронули тему опасности, ведь картина мира – которая также является предметом исследования психологов – призвана помочь человеку рационализировать окружающий его мир, разложить по полочкам и упорядочить в первую очередь те опасности, с которыми он может столкнуться в процессе постижения мира, и заранее выработать механизмы защиты, которые можно разделить на два вида: материальные и нематериальные. К первым можно отнести практические действия, ко второму – ритуальные. К примеру, зная, что каждый год в определенный период года разливается река и потом может уничтожить все имущество, люди могли построить плотину (то есть осуществить практические действия) и задобрить духов воды, принеся им жертвы, создавая, таким образом, мифы. Прошли тысячелетия, но механизмы по большей части не изменились. Люди по-прежнему рассматривают окружающий мир в первую очередь как источник опасности или угрозы и разрабатывают новые механизмы защиты, которые теперь также становятся сложными и многоуровневыми [Зверев 2011; Зейферт 2009].

В отличие от переменных компонентов, константные составляющие, как видно из их названия, не меняются на протяжении столетий и призваны отражать те этнические характеристики, которые остаются неизменными, несмотря ни на что. Это так называемая центральная форма культуры, которая определяет облик этноса в целом и становится его визитной карточкой на длительное время [Сиповский 2011; Тюпа 1996].

Как образуются такие константы? Они в первую очередь обусловлены историческим развитием нации и географическим расположением их государства. У государств, имеющих схожее географическое расположение и схожий исторический путь развития, картины мира могут быть во многом идентичны, что мы и наблюдаем на примере России и Испании.

Картины мира обеих стран схожи по целому ряду показателей.

Культурные константы

Рассмотрим культурные константы Испании. Испанцы как этнос прошли свой уникальный путь развития. Замыкая Европу с юга, испанцы долгое время определялись с национальной идентичностью. Процесс усугубился длительным симбиозом с вестготской, латинской и арабской культурой, что дало в итоге уникальную модель мира.

Сосуществование с арабской культурой довольно быстро перестало быть мирным, подавленность другой культурой сменяется агрессией. В течение более 700 лет испанцы в ходе Реконквисты отстаивают свою независимость, право на свою культуру и свою религию. Испанцы как этнос длительное время находятся в состоянии войны, которая с переменным успехом длится сотни лет. В последние

годы Реконквисты, когда чаша весов склоняется в пользу испанцев, внутренняя агрессия этноса достигает своей кульминации и выплескивается уже за пределы государства. Не случайно 1492 год становится знаковым для Испании. В этот год пала Гранада – последний оплот арабского владычества на иберийском полуострове, в этом же году экспедиция Христофора Колумба, финансируемая католическими королями Изабеллой и Фердинандом, открыла Америку. Последующее завоевание новых территорий еще более раскачивает испанскую агрессию в сторону усиления. Поток золота, хлынувший из Нового Света в Испанию, становится причиной глубокого экономического кризиса, но это обстоятельство еще очень долгое время не останавливает испанскую экспансию. Агрессия, буквально ввевшаяся в генетику испанцев, уже не исчезает. Однако исторические события, в ходе которых Испания в результате затяжного экономического кризиса начинает утрачивать свои позиции в мире, приводят к тому, что происходит смена эмоционального вектора. Агрессия, изначально направленная на внешний объект, сменяется аутоагрессией, то есть новым механизмом защиты, который проявляет себя в том, что этнос начинает (осознанно или неосознанно) причинять себе самому вред в психической сфере. Одним из ярких проявлений этого процесса становится феномен безумия.

Испанская история изобилует именами монархов, вошедших в анналы с эпитетами «безумный»: Изабелла Португальская Безумная, супруга Хуана II и мать Изабеллы I Кастильской (1428 – 15.08.1496), Хуана Безумная (06.11.1479 – 12.04.1555), дон Карлос (08.07.1545 – 24.07.1568), Карл II Одержимый (Околдованный) (06.11.1661 – 01.11.1700), Фердинанд VI Безумный (23.09.1913 – 10.08.1759). Несмотря на то что сумасшедшие короли встречаются во всех странах (Георг III (Англия), Карл VI (Франция), Афонсу VI (Португалия), Эрик XIV (Швеция)), подданные этих стран обычно стремятся скрыть или, по меньшей мере, поставить под вопрос факт «ненормальности» своего монарха. Все, кроме испанцев. Последние как будто нарочно подчеркивают факт безумия своих правителей, даже если у современников этот факт вызывал сомнения. В первых двух случаях – Изабеллы Португальской и ее внучки Хуаны – ничто не предвещало трагического финала для обеих королев. Обе отличались здравым рассудком до замужества; будучи замужем, родили здоровых детей и после также демонстрировали здравомыслие при решении ряда вопросов, возникающих не только в семейной жизни, но и на государственном поприще. Историки сходятся во мнении, что эмоциональную и психическую нестабильность обеих королев спровоцировали дворцовые интриги, в ходе которых Изабелла лишилась детей и остаток дней провела в закрытом монастыре, а Хуана потеряла любимого супруга, смерть которого довела ее саму до маниакально-депрессивного психоза, выражаясь современным языком.

В случае трех королей — дона Карлоса, Карла II и Фердинанда VI — мы можем говорить, что причиной их неадекватного поведения становится высокий коэффициент инбридинга (25 %), что означало, что почти 80 % браков заключались между близкими родственниками. Генетическое вырождение династий Трастамара, испанских Габсбургов и испанских Бурбонов сопровождалось многочисленными дворцовыми войнами, еще более усилившими мнительность и психопатичность испанских монархов.

Но, наш взгляд, странно даже не это, а другое. Испанская нация воспринимает безумие собственных правителей как нечто вписанное в картину мироздания, как нечто обыденное, само собой разумеющееся, что в корне отличает испанскую культуру от других европейских аналогов. Мишель Фуко с своим фундаментальном труде [Фуко 1997], исследуя феномен безумия в Европе, подчеркивает, что во Франции это было крайне постыдное заболевание, сопоставимое с венерическими болезнями и проказой. Не случайно сумасшедших помещали, как правило, в одно помещение с прокаженными. История голландской живописи изобилует картинами, посвященными процветающей на тот момент операции, известной как удаление камня глупости или камня безумия, что для голландцев было одним и тем же. Безумцы приравнивались к глупцам и наоборот.

В Испании отношение к безумцам было качественно иным. Их отправляли не в лечебницы, а в монастыри, ближе к Богу, ведь, по мысли величайшего мыслителя Испании М. де Унамуну [Унамуну 1996], безумцы семантически сопряжены с Христом.

Архетип безумия в испанской литературе

Эта идея становится составной частью центральной зоны культуры или картины мира испанцев и находит свое отражение в появлении архетипа мудрого безумца, самым известным представителем которого становится Дон Кихот, герой романа Мигеля де Сервантеса де Сааведра «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». Обедневший идалго, то есть дворянин, начитавшийся рыцарских и пасторальных романов, воображает себя рыцарем и отправляется в путешествие на потеху всем окружающим. Но так ли безумен Дон Кихот? Он изумляет окружающих своей начитанностью и образованностью, он знает несколько иностранных языков, весьма здраво судит обо всем, что попадает ему на глаза. Да и окружающие признают за безумным рыцарем многочисленные таланты и здравомыслие до тех пор, пока речь не заходит о рыцарских романах.

Кем же на самом деле является Дон Кихот? Многочисленные работы, посвященные этому образу, изобилуют определениями, как то: идеалист, лишний человек, глупец, гротескный образ рыцаря. Сам же Дон Кихот именуется исправителем кривды. Весьма любопытное и знаковое определе-

ние, свидетельствующее о том, что сам герой четко видит свое назначение.

В чем же тайна Дон Кихота? Она проста: он скрывается в своем придуманном мире, чтобы избежать разочарований и серости мира реального. Приземленность последнего подчеркнута практичностью Санчо Пансы, который постоянно отрезвляет своего господина, указывая ему на истинное положение вещей. Но Дон Кихот как будто не слышит его. В его фантазиях ветряные мельницы предстают чудовищными великанами, которые должны быть уничтожены. Дон Кихот рассказывает своему оруженосцу о том, что ему предстоит величайшая борьба с силами Зла, которые олицетворяет злой волшебник. Дон Кихот не замечает очевидного даже в том случае, когда раненый падает с крыла мельницы на землю, продолжая утверждать, что полученные раны — результат происков злого волшебника. Аналогично поведение Дон Кихота в эпизоде со львами. Увидев львов в клетках, рыцарь Печального образа вызывает их на бой. Львы, естественно, не могли принять участие в поединке просто потому, что были заперты. Но Дон Кихот уверен, что они не вышли потому, что испугались его, а ведь, согласно рыцарскому кодексу, если один из участников поединка не является на бой, позор поражения ложится на него, а лавры победителя достаются его сопернику.

Многочисленные критические работы и статьи, посвященные образу Дон Кихота, рассматривают эпизоды злоключений как свидетельство того, что рыцарские идеалы в Испании времен Сервантеса безнадежно устарели. На наш взгляд, эти моменты говорят об ином: честный и наивный идалго живет в своих мечтах, придумав себе другой мир, основанный на честности, порядочности, благородном служении даме. Этот придуманный мир для Дон Кихота так же реален, как и настоящий. В этом и состоит загадка Дон Кихота, как и многих других испанцев, предпочитающих прятаться от унылых будней окружающего мира в придуманном ими самими мире.

Этот аргумент мы можем подкрепить наблюдением Ю. Лотмана [Лотман 1996], который детально исследовал феномен так называемой спрятанной культуры. Суть его исследований сводится к тому, что этнос, подвергшийся завоеванию и длительному сосуществованию с другой, более сильной культурой, даже после обретения независимости воспринимает собственную культуру как скрытую, спрятанную и долгое время не стремится открыть ее миру, подсознательно ощущая опасность от этого действия. В итоге видимая всем культура подсознательно воспринимается этносом как культура чужая, культура завоевателей. Своя же собственная спрятана — сознательно спрятана — либо в далеком прошлом, либо в фольклорных (чаще сказочных) жанрах. Отсюда любовь испанцев — да и других этносов, переживших подобный опыт в своей истории, — к историческим и сказочным жанрам. Последние могут пониматься и интерпрети-

роваться широко: здесь не только сказочные каноны, красной нитью проходящие сквозь ряд произведений испанской литературы, но и склонность к мистике (нельзя забывать, что Испания стала родиной поэтов – мистиков в XVI–XVII вв.), удивительным совпадениям, свидетельствующим о божественном вмешательстве в дела земные и тем самым подчеркивающим неагентивность (или неспособность людей брать на себя ответственность за совершенные поступки и бесконечная вера в высшие силы, которые должны это сделать за них).

Архетип безумца демонстрирует еще одну отличительную особенность испанского менталитета, сопряженного с наличием двоемирия в испанском сознании – а именно: жизнь есть сон. Одноименное заглавие пьесы Кальдерона как нельзя лучше иллюстрирует эту черту испанской картины мира, склонной рассматривать мир реальный как иллюзорный, а иллюзорный – наделять чертами реального.

Архетип безумия и скрытая в нем вера в двоемирие становятся визитной карточкой испанской литературы на протяжении нескольких столетий и особенно ярко проявляют себя в периоды кризисного состояния общества, когда этнос как никогда нуждается в психологической защите от угроз внешнего мира и выводит на поверхность скрытые механизмы защиты, выработанные столетиями. Обратившись к истории Испании, мы можем увидеть два крупных периода, когда были задействованы подобные механизмы психологической защиты: конец XVII и конец XIX столетий. В эти годы Испания пережила крушение имперских идеалов: в конце XVII столетия государство потеряло статус великой державы, уступив его Англии; в конце XIX века Испания проиграла шестидневную войну США и потеряла последнюю колонию – Кубу. Однако в культурном плане эти периоды стали годами расцвета искусства и литературы, породив барокко и сюрреализм соответственно, на долгие годы заставившие говорить о себе искусствоведов и филологов. Даже неискушенный взгляд отметит схожесть этих течений: мозаичная картина мира, сложность метафор, агрессивный уход в бессознательное, культ ассоциаций, создающий многомерную во времени и пространстве картину мира; серия образов, граничащих с мистикой и безумием. Бальтасар Грасиан, разрабатывая теорию остроумия, делает вывод, что доминирующим началом в искусстве является не дискурсивное (т. е. рассудительное, рассуждающее), а ассоциативное. Художественное произведение не подчиняется и не должно подчиняться правилам логики, напротив, оно очень близко подходит к тому, что называется безумным [Грасиан 1981].

В том же ключе трактовали свою манеру письма сюрреалисты. Сальвадор Дали – один из крупнейших сюрреалистов Испании – охарактеризовал свое видение мира следующим образом: «Стихийный метод сознательной иррациональности, которая базируется на систематизированной и крити-

ческой объективизации проявлений безумия» (Дали) [Кругликов 2011]. Подобные высказывания были характерны для других представителей сюрреализма: Бунюэля, Ж. Миро, Х. Ларреа, Х.М. Инохоса, О. Домингеса, Рамон Маринельо, Р. Варо.

Даже сегодня, обратившись к произведениям современных испанских авторов, мы видим, что этот архетип так или иначе проявляет себя. Так, в трилогии Феликса Пальмы «Карта неба», «Карта времени» и «Карта хаоса», ставшей лауреатом многочисленных национальных премий, герои путешествуют во времени, и Герберт Уэллс – персонаж книги – в одном из разговоров с другими персонажами (к слову, несколько из них страдают расстройством психики) сообщает как само собой разумеющееся, что наряду с нашим миром существуют параллельные вселенные, где все люди проживают иной сценарий своей жизни.

В романе Карлоса Руиса Сафоны (также лауреата многочисленных национальных премий) «Тень ветра», «Игра ангела», «Дворец полуночи», «Сентябрьские огни» и других сюжеты построены на сложных мистических переплетениях, основанных на общении с обитателями из иных миров, предлагающих главным героям другими глазами посмотреть на все происходящее с ними.

Заключение

Суммируя все сказанное выше, мы можем с высокой степенью утверждать, что архетип безумия и коррелирующая с ним тема двоемирия и иллюзорности настоящего мира является частью центральной зоны культуры испанцев и обуславливает константный блок многоуровневого конструкта, именуемого картиной мира.

Библиографический список

- Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность // Вопросы философии. 1966. № 9. С. 99–109.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2017. 288 с.
- Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2008. 544 с.
- Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1981. 632 с.
- Дерига Е.С. Сущность и структура этнической картины мира в контексте конструирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2008.
- Зверев О.В. Этническая картина мира как выражение менталитета этноса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 105–108. URL: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-4/2011%20-%204%20-%20105.pdf>.

Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Германия, Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.

Кругликов В. Сюрреализм. Протокольное свидетельство о психической жизни на больших глубинах. 2011. URL: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/08/22/70556.phtml> (дата обращения: 11.06.2018).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Сиповский В.В. Из истории русского романа и повести. М.: Книга по требованию, 2011. 370 с.

Тюпа В.И. Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // Дискурс. 1996. № 1. С. 1–18. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm

Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1996. 416 с.

Фуко Мишель Поль. История безумия в классическую эпоху / пер. И.К. Стаф. СПб.: Унив. кн., 1997. 576 с.

Шпенглер О. Закат Европы. М.: ЭКСМО, 2006. 800 с.

References

Batkin L.M. *Tip kul'tury kak istoricheskaja tselostnost'* [Type of culture as a historical entity]. *Voprosy filosofii*, 1966, no. 9, pp. 99–109 [in Russian].

Wierzbicka A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i grammatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and grammar]. М.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 272 p. [in Russian].

Wittgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. М.: Kanon+, 2017, 288 p. [in Russian].

Gachev G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. М.: Algoritm, EKSMO, 2008, 544 p. [in Russian].

Gracian B. *Karmannyi orakul. Kritikon* [The Art of Worldly Wisdom. The Critic]. М.: Nauka, 1981, 632 p. [in Russian].

Deriga E.S. *Sushchnost' i struktura etnicheskoi kartiny mira v kontekste konstruirovaniia sotsial'noi real'nosti: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Essence and structure of the ethnic picture of the world in the context of construction of social reality: author's abstract of Candidate's of Philosophical Sciences thesis]. Tomsk, 2008 [in Russian].

Zverev O.V. *Etnicheskaja kartina mira kak vyrazhenie mentaliteta etnosa* [Ethnic picture of the world as an expression of the ethnos mentality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of the Moscow State University of culture and arts], 2011, no. 4, pp. 105–108. Available at: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-4/2011%20-%204%20-%20105.pdf> [in Russian].

Zeifert E.I. *Zhanr i etnicheskaja kartina mira v poezii Rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.* [Genre and ethnic picture of the world in the poetry of Russian Germans of the second half of the XX – beginning XXI centuries]. Germany, Lage: BMV Verlag Robert Burau, 2009, 534 p. [in Russian].

Kruglikov V. *Siurrealizm. Protokol'noe svidetel'stvo o psikhicheskoi zhizni na bol'shikh glubinakh* [Surrealism. Protocol Certificate of Mental Life at Great Depths]. 2011. Available at: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/08/22/70556.phtml> (accessed 11.06.2018) [in Russian].

Lotman Yu.M. *Vnutri mysliaščikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoria* [Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. М.: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1966, 464 p. [in Russian].

Sipovsky V.V. *Iz istorii russkogo romana i povesti* [From the history of the Russian novel and story]. М.: Kniga po trebovaniu, 2011, 370 p. [in Russian].

Tyupa V.I. *Arkhitektonika kommunikativnogo sobytia (k первоosnovam kommunikativnoi didaktiki)* [Architectonics of a communicative event (on the fundamental principles of communicative didactics)]. *Diskurs* [Discourse], 1996, no. 1, pp. 1–18. Available at: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm [in Russian].

Miguel de Unamuno. *O tragicheskom chuvstve zhizni* [The Tragic Sense of Life]. М.: Simvol, 1996, 416 p. [in Russian].

Foucault Paul-Michel. *Istoriia bezumii v klassicheskuiu epokhu* [History of Madness in the Classical Age [transl. by I.K. Staf]. СПб.: Univ. kn., 1997, 576 p. [in Russian].

Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. М.: EKSMO, 2006, 800 p. [in Russian].